

человеческие поступки, не направленные к высшему благу человека или даже безразличные по отношению к нему, суть грех; если же они противостоят высшему благу, то они суть более тяжкий грех. Станем же оплакивать толпу презренных людей, которые гоняются за чувственными наслаждениями и материальными благами, и почтим тех, кто предается исследованию мудрости. Почтим их еще и за то, что они живут согласно естественному порядку: «*quos etiam voco honorandos, quia vivunt secundum ordinem naturalem*». Таковы философы («*et isti sunt philosophi, qui ponunt vitam suam in studio sapientiae*»****), всякое деяние которых есть созерцание истины.

Поднимаясь посредством интеллекта от одной причины к другой, философ постепенно подходит к первой из всех причин; она не имеет других причин, кроме себя самой, но зато она вечна, неизменна, совершенна, и от нее зависит все остальное. «Это Первоначало в нашем мире подобно отцу семейства в доме, или командующему армией, или общему благу в Граде. Как армия едина благодаря одному главе и ее благо заключается в достоинствах ее командующего и других командиров соответственно их рангу, так и единство мира связано с единством Первоначала, и благо этого мира находится по сути в этом Первоначале, но по степени причастности к Первоначалу и рангу по отно-

429

6. От перипатетизма к аверроизму

шению к нему находится только в других сущих этого мира, так что ни в одном сущем этого мира нет блага, которое не было бы причастно Первоначалу. Имеется в виду вот что: философ приходит в восхищение от Первоначала, он проникается любовью к Нему, ибо мы любим источник нашего блага, а в высшей степени это тот источник, откуда истекает высшее благо. Поэтому, познав, что все блага приходят к нему от Первоначала и что они сохраняются у него лишь постольку, поскольку их сохраняет ему Первоначало, философ испытывает к Нему великую любовь — на законном основании природы и на законном основании разума. Но ведь каждый находит радость в том, что он любит, и самая большая его радость заключается в том, что он любит сильнее всего. А так как философ сильнее всего любит Первоначало, то, как только что было сказано, он находит высшее наслаждение в Первоначале и в созерцании его благости. Это наслаждение — единственное, которое поистине праведно. Вот какова жизнь философа, и тот, кто не ведет ее, не ведет праведную жизнь. Итак, я называю философом всякого человека, который живет согласно верному распорядку природы и который достиг последней и наилучшей цели человеческой жизни. Что же касается Первоначала, о котором шла речь, то это Бог — преславный, всевышний, благословенный во веки веков. Аминь». Связь идей этого маленького шедевра проста. Возникает задача найти в философии высшее благо, достижимое для человека, — и оно обнаруживается в философском созерцании истины разумом. В этом едины все интерпретаторы Боэция Дакийского, и все считают положение дел совершенно ясным, но в диаметрально противоположных смыслах. Иные удивляются, если кто-то здесь находит трудность — ведь настолько очевидно, что автор трактата мыслит как язычник: «Это самый чистый, самый ясный, самый решительный рационализм, который только можно где-нибудь обнаружить... Рационализм Ренессанса с его размягченными мыслью и язы-

ком не породил, насколько я могу судить, ничего подобного» (П. Мандонне). Другие, напротив, не находят в этом трактате ничего противоречащего вере (Д. Салман)*.

Оба утверждения согласуются друг с другом, ибо тесно связаны с проблемой аверроизма. Боэций Дакийский не противоречит вере — скорее, он, можно сказать, не знает ее, если о